

СУСАННА ЗВЯГИНА:

Наши концерты были спасительным лекарством

Культура. — 2005. — 5-18 мая. — с.16

Сусанна Николаевна ЗВЯГИНА — человек уникальной судьбы. Мое поколение не застало ее танцующей на сцене, но одна из театральных легенд — ее сверкающая танцевальным блеском Мерседес в «Дон Кихоте». Среди многих ролей, исполненных танцовщицей, эта партия, рожденная в конце войны, стала гимном Победе.

Когда началась война, 22-летней танцовщице было доверено руководить фронтовой бригадой артистов, которая более полутора тысяч раз выступала на передовой. Она бесстрашная красавица стала первой артисткой Большого театра, получившей в 1943 году высокую боевую награду — орден Красной Звезды. Сегодня она руководит советом ветеранов Большого театра России.

— Где вас застала война?

— Накануне, 21 июня 1941 года, мы, участники концертной бригады Большого театра, вернулись из Монголии. Выступали перед нашими солдатами, которые входили в состав войск, расквартированных в монгольских степях. За два месяца дали множество концертов. Поездка оказалась какой-то роковой репетицией выступлений на фронте. Мы жили в палатках, на открытых машинах преодолевали дальние расстояния. Едем, например, по бескрайним равнинам, где нет никаких признаков жизни, и вдруг, словно из-под земли, появляются солдаты, сдвигаются два грузовика, образуют подмошники, и начинается концерт. Нас хорошо принимали, помню, как однажды нам принесли огромную дробу — эту птицу прислал нам Георгий Константинович Жуков, который был в то время в Монголии.

Честно говоря, нас удивляли эти «степные гастроли». Завершая их в Улан-Баторе, решили задать этот вопрос и получить такой ответ: «Вы поймете очень скоро». На следующий после возвращения в Москву день узнали о начале войны. Я шла по Столешникову переулку, около радиопура столпились люди — они вслушивались в слова Молотова о нападении гитлеровских полчищ. Помню, как онемели руки и ноги, и я, не чувствуя их, помчалась домой.

— Большому театру был одним из первых, где сразу начали создаваться группы противовоздушной обороны...

— Мы пришли в театр и не узнали его, все изменилось за несколько часов. На сцене не было декораций, и она, пустая, превращенная в плац, где уже проводились военные занятия, казалась невероятно огромной. Это были первые наши ополченцы, более 200 человек. Среди них — премьер Миша Габович, наш дружок, баллаур Миша Сулханишвили, который вскоре погиб на фронте, храбрые ребята — Владимир Левашев, Константин Рихтер, Владимир Кудряшов, Иван Смольцов. Всех не перечислить. Они поехали рыть окопы, строить оборонительные рубежи. С ними отправились и женщины, помню в первом ополчении Зину Еременко. Оставшиеся охраняли театр. Стало понятно, что лозунг: «Нет мирных профессий» — в военное время не пустые слова. Ивана Семеновича Козловского заставил слезть с крыши театра, где он гасил зажигательные бомбы, представитель райкома. Помню, что каждый из нас хотел чем-то помочь. Тогда можно было услышать такое пренебрежительное мнение: «Что могут эти артисты?». Оказалось, что — многое. Достаточно вспомнить десятки тысяч концертных бригад, выступавших на всех фронтах. Первый концерт в еще не полностью освобожденном Рейхстаге дала бригада Большого театра. На моем счету семь фронтов, Сталинград. Сейчас такое ощущение, что война мне приснилась или я где-то прочла о ее ужасах. Представить, что все это было пережито, просто невозможно.

— Где состоялись ваши первые военные концерты?

— Война для меня началась с выступлений в Подмоскovie. Потом — концерты на Валдае, где на воде стояли корабли-госпитали с ранеными бойцами. Я дорожку пожелтевшим от

звоном со словами благодарности от раненых. Руководитель госпиталя сказал тогда, что для солдат наши концерты были не только праздником, а спасительным лекарством.

— Как организовалась фронтовая бригада, которой вы руководили?

— Сражения становились все ожесточеннее. Я пришла в райком и попросила отправить меня туда, где идут самые страшные бои, где нужно поддержать наших бойцов. Была сформирована бригада из актеров разных трупп: Большого театра, МХАТа, консерватории. В военные годы в наших бригадах были многие драматические актеры — Варвара Обухова, Анастасия Зуева, Николай Дорохин, Самсон Акивис, Владимир Яхонтов, баянист Михаил Баханов, певцы Татьяна Талахадзе и Павел Чекин, Квартет имени Бетховена (Дмитрий Цыганов, Вадим Борисовский, Василий и Сергей Ширинские), эстрадная актриса Инна Рович. Моим постоянным военным партнером был Володя Хрусталев. Сегодня никого из них уже нет. Я — последняя. И поэтому 9 Мая для меня — и радость, и слезы.

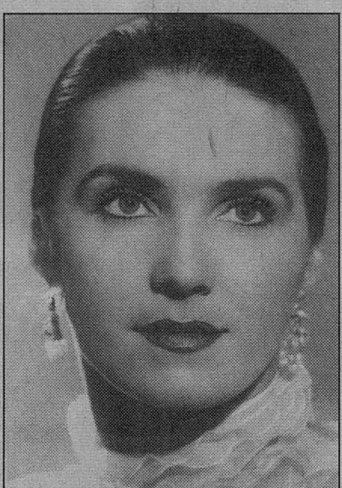
— Каким было первое задание вашей бригады?

— Нас отправили в Саратов, а оттуда в штаб Сталинградского фронта. Передвигались на грузовиках, помню постоянный холод, пронизывающий ветер. Мы обслуживали части, которые готовили к отправке в Сталинград. В сутки давали 5 — 7 концертов, они шли как сеансы в кино-театре. Когда добрались до штаба 4-й армии, места нашего назначения, то нам сказали, что придется вернуться, потому что бои уже идут в Сталинграде. Мы провели собрание группы и упрямо заявили, что никто из нас не уедет. Тогда нас направили в армию генерала Н.Труфанова, расположенную за Волгой. Эту страшную переправу забыть невозможно. Ледяная вода в реке кипела от взрывов, мы видели, как некоторые из соседних лодок уходили под воду. Бог помог, мы достигли берега. Первая встреча была с командиром дивизии генералом Калининским. Он, мужественный, красивый, сильный, подошел к нам, поздоровался и признался, что... не хотел нашего приезда. Потом улыбнулся и добавил: «Но раз вы все-таки здесь, то держитесь. Будет тяжело: ваши зрители будут в окопах, а вы — наверху». Мы вставали в четыре утра, концерты начинались в пять, пока не рассеялась предрассветная мгла.

— Первый концерт в осажденном Сталинграде помните?

— На маленьком замаскированном автобусе нас привезли в какой-то лесочек, где была полевая кухня. Встретил улыбающийся повар в белоснежном фартуке и таком же сияющем чистотой колпаке. Мы удивились — как можно быть таким чистым? Ведь каждый грамм воды на вес золота, идет борьба за колодцы. «Потому что», — ответил Никита, — мой вид вдохновляет бойцов. Раз вы такие смелые и приехали к нам, то накормите вас такой вкусной кашей, какой вы никогда в жизни не ели. После концерта приходите обедать». Оказалось, не суждено.

Вдоль окопов нас повели на песчаную площадку. Вокруг уже сидели зрители, из-под земли только головы торчали. Нас подсаживали, вынимая из окопов на «сцену». Снимать черные ватники не разрешили, так как пространство далеко просматривалось. Я ошушалась и отплясывала цыганский танец в яркой юбке. Концерт шел невероятно: бойцы, естественно, не кричали и не аплодировали, но мы чувствовали, что им нравятся, по шепоту и какому-то волнующему движению. Концерт подходил к финалу, когда послышался странный звук. Это был самолет-разведчик. Выступление прервали, и Калинин по радио дал распоряжение убрать нас в безопасное место, но тут же начался минометный обстрел, раздалась команда: «На землю! Враспынью! Ложись!» Шесть часов мы лежали ничком. Тогда я поняла, что выражение «вгрызаться в землю» — не метафора. Хотелось спить

С. Звягина. Конец 1940-х гг.

ся с землей, пальцы сжимали комья, мы остались без ногтей, руки были в крови. И еще ощущение всепоглощающего страха. Страшнее всего было, когда пули свистели над головой. Тогда мы еще не знали, что свиста не стоит бояться, его издадут пули, пролетающие мимо. Гораздо опаснее тишина. Бог миловал нас и на этот раз. Все остались живы, но царапин и мелких ранений не избежал никто.

Мы, конечно, тогда не понимали, но оказалось, благодаря концерту удалось установить расположение врага, когда фашисты открыли огонь. Калинин назвал нас героями. А мы, залепленные пластырем, уже вечером выступали. Информация о том, что в Сталинграде артисты, распространилась по сарафанному радио быстро, и мы были расхвот. Военные трогательно заботились о нас, делились драгоценной водой, все время пытались подкормить. Похоже, в нас они видели своих детей, братьев, сестер. На Сталинградской земле мы стали любимцами.

— Куда забросила вашу бригаду военная судьба после окончания Сталинградской битвы?

— Армия начала двигаться на Ростов, и мы вместе с ней. Нас посадили на одну из грузовых машин вместе с военными, и часть дороги до Ростова мы ехали, по военным меркам, с удобствами. Медленно, по указателям — Ростов был заминирован. Вокруг дороги лежали тела немцев, город был страшно разрушен: дома стояли без крыш, без стен, и через проемы были видны приметы мирной жизни, которая казалась нереальной — посуда, мебель, игрушки. Встречал много людей, потерявших рассудок от этого ужаса. Я подошла к пожилой женщине, которая собирала камни. Она посмотрела и сказала, указывая на осколки кирпича: «Это фарфоровые чашечки, их подарил мне сынок. Когда я их соберу, он вернется». В Нахичевани встретил колонну пленных немцев, которые шли без сапог. Около Ростова все начали кашлять и задыхаться. Оказывается, мы подходили к военному лагерю, где немцы, отступая, заживо сожгли более 1200 человек. На проволоке еще висели обгоревшие тела людей. От всего увиденного горела душа, слез уже не было, их заменило чувство невероятного возмущения, какая-то страшная злоба. Даже сейчас, по прошествии столетий, трудно об этом говорить.

Обессиленные, на грани отчаяния, мы проходили город, следуя за военным проводником. Навстречу вышел braveйший командир с перебинтованной головой и обратился ко мне: «Через сколько минут вы можете начать концерт?» Я онемела, подумала, что он тоже сошел с ума. Какой может быть концерт в этом аду? А он продолжал: «Один барак разминирован, выметен, холодно будет только сначала, потом надыхает, будет много людей. Вы знаете, кого вы будете обслуживать? Летчиков, которые полетят на Новочеркасск, чтобы уничтожать фашистов дальше». Мы действительно проходили полевой аэродром, где стояли брошенные немецкие самолеты. Вид грозных боевых машин, на одном — эдельвейсы, на другом — пиковая дама, вызвал приступ тупой ненависти. Переодеваемся в ледяной палат-

ке и посматриваем через щелочку на публику — в первом ряду сидят люди в странных шлемах. Это были обгоревшие летчики, которых только что перебинтовали, оставив разрезы для глаз и губ. Они не захотели в госпиталь, сказали, что на концерте им будет легче. Они медленно качались, убаюкивая свою боль. При виде этого, возникло желание выступить как можно лучше. Во время концерта выкрикивали фамилии летчиков, и они отправлялись на боевые задания.

Через несколько дней вышла газета «Ростовская правда» (сейчас это ценный экспонат городского музея), она была размером с тетрадный лист: на одной стороне — заметка «Первый поезд в освобожденном Ростове», на другой — «Первый концерт в освобожденном Ростове». Мы были невероятно рады. За этим концертом последовали десятки других в оживающем Ростове и далее по пути наступления наших войск.

Из Новочеркасска нас самолетом отправили в Москву на двухнедельный отдых. Открытый крошечный самолет продвигался всеми ветрами. По опасной зоне летели на бреющем полете, когда самолет набрал высоту, начали замерзать. Было ощущение, что тело превратилось в кусок льда. Приехав в Москву, я сразу попала в госпиталь на Пироговке, где разрезали одежду и голенища сапог, чтобы снять их с обмороженного тела.

— Когда вам вручили орден Красной Звезды?

— Это было 18 марта 1943 года под Нахичеванью, мы остановились в одной из двух уцелевших избушек, в соседней жил Константин Симонов с фотокором Евгением Халдеем. Началась бомбежка, но какая... Мне подумалось: неужели, пройду всю эту бойню, мы погибнем здесь? Во время этой страшной канонады раздался стук в дверь, пришел генерал-полковник Пронин со своим адъютантом, очень серьезно приказал построиться. Увидев наши испуганные лица, он не выдержал, и его лицо озарилось доброй счастливой улыбкой. Он вручил награды: мне — орден Красной Звезды, участникам бригады — медали «За боевые заслуги». Это было высокое признание, эту медаль давали только солдатам передовой.

— Ваша военная одиссея завершилась в Ростове?

— После отпуска в составе новой бригады я отправилась на Северный флот, который в боевой обстановке отмечал свое десятилетие. Адмирал А.Головкин попросил прислать опытную бригаду, чтобы поддержать подводников. Мы встретились с легендарными людьми. Поразила их культура и образованность. На одном из концертов Яхонтов блистательно читал Маяковского, его сменил знаменитый подводник И.Фисанович, который с меньшим успехом продолжил поэтическое выступление. Когда мы узнали о его гибели, все рыдали.

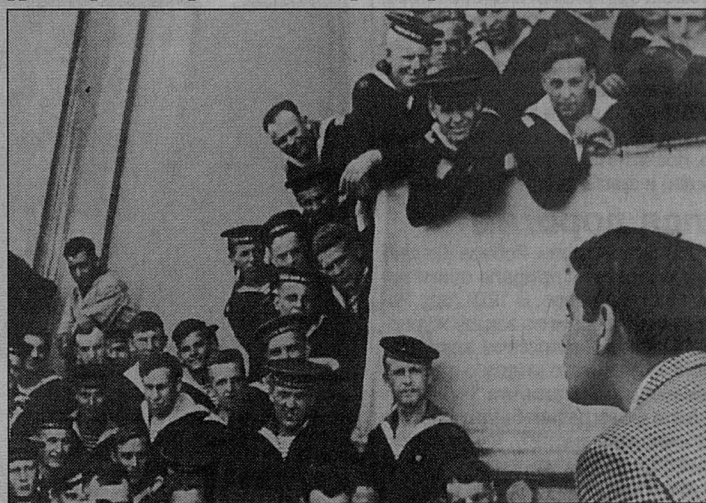
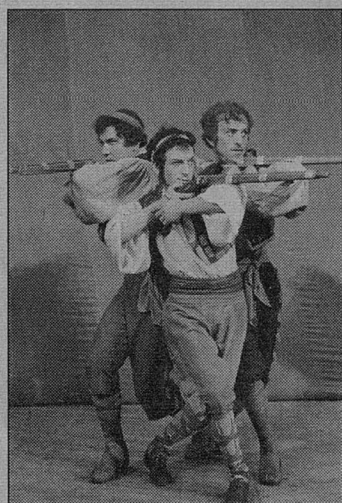
— Чем занимается сегодня возглавляемый вами Совет ветеранов сцены Большого театра?

— Сейчас в нашей организации 500 человек. Мы помогаем всем, кто болен, кому тяжело и одиноко. Раньше у нас была касса добровольных взносов, деньги мы использовали на нужды ветеранов. Сейчас дирекция театра выделила нам бюджетные средства, и ветераны получают материальную помощь. Денежная премия важна, но не менее важно внимание. Им мы и стараемся окружить наших стариков: поздравляем с праздниками, выдаем пропуски в Большой театр, навещаем в больницах, приглашаем на благотворительные концерты. Продолжается и творческая жизнь: многие поют в нашем Хоре ветеранов, артисты балета с радостью консультируют молодых. Когда восстанавливался балет «Ромео и Джульетта» Леонида Лавровского, мы показывали партии, которые танцевали. Стариков не стоит списывать со счетов!

Беседу вела
Елена ФЕДОРЕНКО

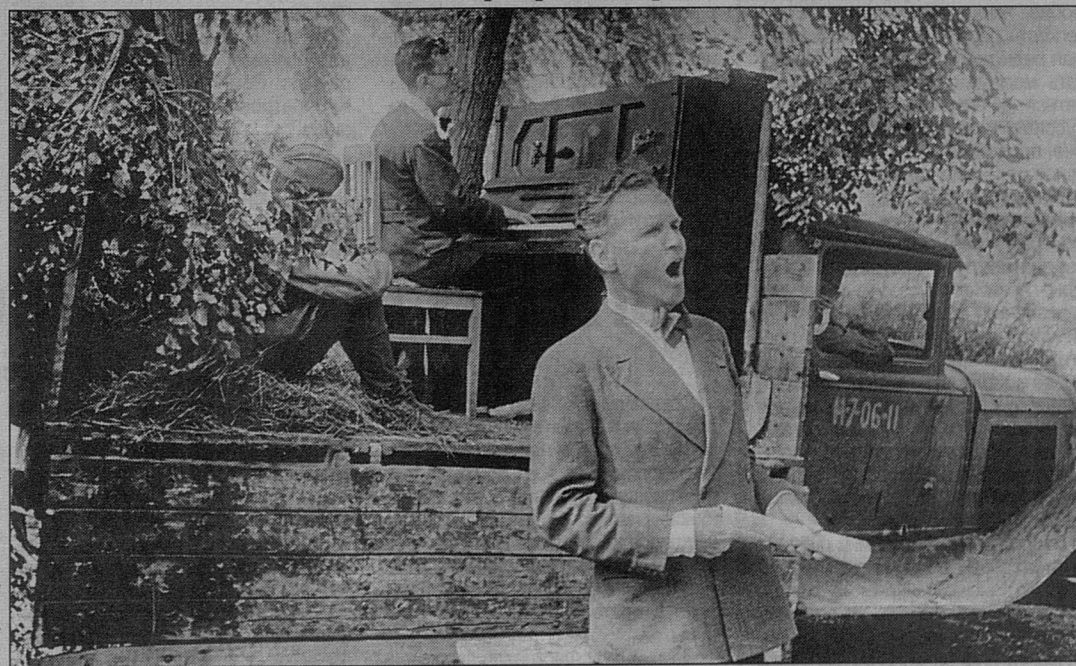
На фронт приехали артисты. Концерт на бронепоезде. 1941 — 1945 гг.

Слева: премьера балета «Лола» Музыкального театра им. К.С.Станиславского и Вл.И.Немировича-Данченко. Москва, июнь 1943 г. Справа: А.Райкин выступает перед моряками Черноморского флота. 1943 г.

Московский театр оперетты. Перед спектаклем. Москва, 1942 — 1943 гг.

Концерт фронтовой бригады. Выступает артист Музыкального театра Н.Пермяков. Июль 1942 г.